

Н. И. Гаген-Торн (1900—1986) — видный советский этнограф, достойный представитель ленинградской школы этнографов 20-х гг., возглавлявшейся Л. Я. Штернбергом и В. Г. Тан-Богоразом. В 1924 г. закончила этнологическое отделение факультета общественных наук Ленинградского университета, в 1927—1936 гг. она — аспирантка крупнейшего русского этнографа Д. К. Зеленина, преподаватель Института народов Севера и затем — сотрудница Института этнографии АН СССР. В эти годы Н. И. Гаген-Торн публикует свои первые исследования, обратившие на себя внимание научной общественности (например, «Магическое значение волос и головных уборов в свадебных обрядах народов Восточной Европы», «К методике изучения одежды» и др.).

С 1936 по 1956 годы жизнь Н. И. Гаген-Торн складывалась трагически. Она была репрессирована, прошла колымские лагеря, повторный арест, ссылку на Енисей. Необыкновенная энергия, жизнелюбие и жизненная активность помогли ей остаться не сломленной, сохранить себя. Между первым и вторым арестом Н. И. Гаген-Торн защитила кандидатскую диссертацию, а после полной реабилитации в 1956 г. уже в довольно пожилом возрасте написала и опубликовала две книги («Женская одежда народов Поволжья» и «Л. Я. Штернберг»), несколько десятков статей на этнографические и литературные темы (об А. Белом, О. Форш, В. Бианки). Ниже мы публикуем дневник Нины Ивановны, который она вела, находясь в ссылке на Енисее. Даже в этих тяжелейших условиях она, как это видно из текста, продолжала оставаться увлеченным этнографом.

Осмысление научного наследия Н. И. Гаген-Торн впереди. Настоящая публикация хотя бы отчасти заполнит одно из многочисленных «белых пятен» в истории нашей науки.

Перед воспоминаниями Нины Ивановны о Енисейской ссылке, мы помещаем заметку И. Д. Хлопиной, которая в 20-е годы работала с Ниной Ивановной в Институте этнографии и всю жизнь с ней дружила.

Редакция

© 1990 г.

НИНА ИВАНОВНА ГАГЕН-ТОРН

В «Литературной газете» от 28 декабря 1988 г. на 5-й странице фотография девушки с длинными косами и сбоку надпись: «Жизнь только начинается ... а впереди годы и годы тюрем и лагерей. Этнограф и литератор, ученица В. Тана-Богоразы и Андрея Белого — Нина Гаген-Торн». И ничего больше¹. Я хочу рассказать о ней, так как в те двадцатые годы я тоже была этнографом. Нина окончила университет года на два раньше меня. Она работала в Русском музее и в Музее этнографии Академии наук СССР у проф. В. Г. Богоразы, изучала фольклор русского Севера, старинную одежду, обряды и обычаи. Я была практиканткой в Музее этнографии, потом в аспирантуре ЛГУ у проф. Л. Я. Штернберга занималась обычаями и верованиями тюркских народов (крымских татар, киргизов, шорцев). Интересы наши были разными, но мы встречались на лекциях, семинарах, конференциях.

Среди моих друзей были Гут Пресняков и Саша Лисовский — геологи. Они познакомили меня с Юрой Шейнманом. Он был женат на Нине Гаген-Торн и через него я узнала ее ближе. У нас нашлось много общих интересов помимо этнографии. Мы обе посещали Вольфилу (Вольно-философское общество), где выступал Андрей Белый с идеей построения Храма Человека (Нина считала себя его ученицей), бывали в Доме литераторов (на Бассейной ул.), где слушали «Серапионовых Братьев», в Капелле на выступлениях Маяковского, в Эрмитажном Театре на лекциях А. В. Луначарского, в Актовом зале университета на вечерах поэзии Анны Ахматовой, увлекались «Двенадцатью» Блока, были на исполнении их хором под руководством Всеволожского в Аничковом Дворце и принимали горячее участие в спорах об интерпретации образа Иисуса Христа.

Между нами возникла крепкая дружба. Нина рассказывала мне, как в первые годы революции она, еще гимназисткой, была председателем Управы ОСУЗа (организация средне-учебных заведений), о чем впоследствии написал в «Записках старого петербуржца» Лев Успенский (1970).

Я стала бывать у нее дома, на Бассейной ул., д. 58. Она жила с матерью (отец ее, известный хирург Иван Эдуардович Гаген-Торн, уже умер), мужем — Юрой Шейнманом и двумя малолетними дочками — Галей и Ладой. У них была дача на ст. Большая Ижора — двухэтажный дом с сиреневым садом. Я не раз бывала там у нее. Она любила людей, была общительна и добра.

Примерно раз в два-три месяца у нее собирались друзья — ее и Юры: геологи, писатели, среди них — Вениамин Каверин и Юрий Тынянов с женами. Из этнографов бывала я одна. Сначала кто-нибудь делал доклад — о новостях в науке, путешествиях или творческих планах. Я рассказывала о шаманстве, которое изучала в Горной Шории. Потом было чаепитие, скромное по тем временам, и снова разговоры на разные темы. Но иногда собирались только этнографы и обсуждали вопросы организации и тематику предстоящих конференций. Бывало очень оживленно, Нина была прирожденным организатором и душой общества. Ее любили.

В конце 20-х годов началось, как известно, массовое гонение на интеллигенцию. В разных учреждениях появлялись «тройки», занимавшиеся «чисткой». В университете во главе такой «тройки» был некий Фигатнер. Одно его имя наводило ужас, сотрудники «вылетали» один за другим. В газетах появлялись клеветнические статьи, но, как обычно, «народ безмолвствовал».

В газете «Правда» от 6 апреля 1929 г. появилась статья «Аспиранты Академии наук» с клеветой на научную молодежь, где упоминалась и моя фамилия (дочь таких-то родителей). Подписана она была «Орлинский». Здесь интересно упомянуть, что за той же подписью и в то же время шла травля писателя М. Булгакова (см. Миндлин. Необыкновенные собеседники. М., 1979. С. 167—168). Вскоре после этого я была «вычищена» из музея и из аспирантуры ЛГУ как «чуждый элемент». Этнография для меня кончилась. Пришлось менять специальность. Связь с этнографами почти прекратилась, встречи с Ниной стали редкими. Мне было известно, что в 1936 г. предполагалось провести Всесоюзный съезд этнографов и что Нина принимает деятельное участие в его организации. И вдруг ошеломляющая весть — она арестована! За что?!

Она вернулась в Ленинград через 18 лет, в 1954 г., и сразу стала часто бывать у меня, иногда ночи напролет рассказывая о себе. За эти годы муж развелся с ней, женился, дочери выросли, переехали в Москву. Квартиры не было, дом в Ижоре заселили жильцами.

До самого конца она не знала, за что ее взяли. В тюрьме она подвергалась многочисленным и мучительным допросам, но так и не выяснила, в чем ее обвиняли. Приговор был — 5 лет. Отпустили ее через 6 лет, она восстановилась на работе в Академии наук, но в декабре 1947 г. ее арестовали вновь и отправили на 5 лет в концлагерь Темники в Мордовии. Обвинение было совершенно нелепое: Вы считаете, что в первый раз сидели зря — значит Вы обижены и стали врагом Советской власти. О пребывании в тюрьмах и лагерях она написала в своих воспоминаниях об этом времени². Мне она оставила свои стихи «Колымская биография».

В день приезда в Ленинград она пошла в прокуратуру. Там дали ей прочесть ее «дело». Оно начиналось с доноса, подписанного одной из сотрудниц Музея этнографии, нашей общей знакомой, даже приятельницей когда-то. Она обвиняла Нину в том, что при организации Всесоюзного съезда она предлагала на руководящие роли беспартийных товарищей, как-бы отстраняя коммунистов. Это было чистейшим вздором.

«Если автор доноса письменно подтвердит, что все написанное им клевета, то вам будет возвращено все, что еще возможно вернуть», — сказал Нине Ивановне прокурор. Она пошла в музей, встретила эту сотрудницу и не подала ей руки. Присутствовавшие возмутились. «У меня есть к этому основания», — сказала Нина, — я приду к вам сегодня вечером». На следующий день они вместе были у прокурора, и та сотрудница подала ему покаянное заявление. С этого момента все

стало разворачиваться в обратную сторону: она была принята на работу в Институт этнографии АН СССР на должность научного сотрудника, ей дали комнату в коммунальной квартире. Через несколько лет (и после трех судов) была возвращена дача в Ижорах, жильцов выселили. Нина стала интенсивно работать. На основании архивов, писем, мемуаров и контактов с бывшими учениками Л. Я. Штернберга она написала о нем монографию, вышедшую в издательстве «Наука»; в 1975 г., написала воспоминания об Андрее Белом³, в специальных журналах опубликовала статьи по русской этнографии, увлеклась переводом и пересмотром неясных мест «Слова о полку Игореве» и стала трактовать его по-своему, говорила, что ставит его «с головы на ноги». Она написала книгу, где доказывала, что автор «Слова» никак не мог «воспевать» поражение и плен Игоря Святославича, что он только сравнивал его с другим Игорем, Рюриковичем, воспитым Бояном, которому и «пели славу деды Дуная». Это противоречило принятым установкам, акад. Д. С. Лихачев дал отрицательный отзыв, и книга не была напечатана. Тогда Нина выступила с докладом в Доме ученых и тоже не получила одобрения. Но ей удалось напечатать статью о «Слове» в журнале «Сканда славика», издающемся в Копенгагене. Она подарила мне отпечаток с надписью: «В память многих десятилетий нашей дружбы». Но книга осталась в рукописи. Где она? — не знаю.

Шли годы. Пришла старость. Нина стала глохнуть и слепнуть и не смогла больше жить одна. Она поселилась в пансионате Дома ученых в Павловске и умерла 4 июня 1986 г. Я не сразу узнала об этом и потому не смогла проводить ее в последний путь. У меня нет даже ее фотографии. Только отпечаток статьи и стихи колымских лет.

И. Д. Хлопина

Примечания

¹ За последнее время материалы о н. И. Гаген-Торн опубликованы в «Огоньке» (1989, № 28) и «Семье» (1989, № 28). Один ее рассказ и восемь стихотворений вошли в сб. «Город у моря». (Магдан, 1989). Готовятся к печати стихи в сб. «Лагерная поэзия» в Изд-ве «Московский рабочий». (Это и следующие примечания — дочери Нины Ивановны — Г. Ю. Гаген-Торн).

² Все рукописи о тюрьме и ссылке, ранние повести и стихи лагерной поры, а также часть писем известных людей находятся в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), в архиве Нины Ивановны.

³ Опубликованы в сб. «Андрей Белый. Проблемы творчества». М., 1988.

© 1990 г.

Н. И. Гаген-Торн

В ССЫЛКЕ НА ЕНИСЕЕ

1. Из тюрьмы на поселение.

Наш этап держали в Красноярской тюрьме неделю: ожидали хозяев, которым нужна рабочая сила. Наконец шелкул замок, открылась дверь. «Построиться!» — сказал надзиратель, — «Смирно!»

Он прошел по рядам женщин вместе с грузным мужчиной в меховой шапке и валенках. Мужчина останавливался, осматривался, тыкал пальцем: «Эту, эту и эту!»

— «Шаг вперед!» — командовал надзиратель. Девушка выступала.

— «Фамилия? Имя, отчество?» — Отвечала. Надзиратель отыскивал в папке «Дело», слышал фотографии с девушкой и передавал потребителю. Потребителю интересно получить молодую и здоровую рабочую силу. Таких и отбирали.

— «С вещами!» — Девушка, готовая вырваться из тюремной камеры куда угодно, кидалась к своему чемодану.

Камера постепенно пустела — каждый день наезжали потребители.

Через неделю остался только бросовый товар: немолодые или слишком ин-